

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Хвост женщины

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615635
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3

Аннотация

«... Всякая женщина, мило постукивающая своими тоненькими каблучками по тротуарным плитам, очень напоминает мне ручную гранату в спокойном состоянии: идет, мило улыбается знакомым, лицо кроткое, безмятежное, наружность уютная, безопасная, славная такая; хочется обнять эту женщину за талию, поцеловать в розовые полуоткрытые губки и прошептать на ушко: «Ах, если бы ты была моей, птичка моя ты райская». Можно ли подозревать, что в женщине таятся такие взрывчатые возможности, которые способны разнести, разметать всю вашу налаженную мужскую жизнь на кусочки, на жалкие обрывки.

Страшная штука – женщина...»

Аркадий Аверченко

Хвост женщины

Недавно мне показывали ручную гранату: очень невинный, простодушный на вид снаряд – этакий металлический цилиндрик с ручкой. Если случайно найти на улице такой цилиндрик, можно только пожать плечами и пробормотать словами крыловского петуха: «Куда оно? Какая вещь пустая»...

Так кажется на первый взгляд. Но если вы возьметесь ручкой за ручку, да размахнетесь поэнергичнее, да бросите подальше, да попадете в компанию из десяти человек, то от этих десяти человек останется человека три и то – неполных: или руки не будет хватать, или ноги.

Всякая женщина, мило постукивающая своими тоненькими каблучками по тротуарным плитам, очень напоминает мне ручную гранату в спокойном состоянии: идет, мило улыбается знакомым, лицо кроткое, безмятежное, наружность уютная, безопасная, славная такая; хочется обнять эту женщину за талию, поцеловать в розовые полуоткрытые губки и прошептать на ушко: «Ах, если бы ты была моей, птичка моя ты райская». Можно ли подозревать, что в женщине таятся такие взрывчатые возможности, которые способны разнести, разметать всю вашу налаженную мужскую жизнь на кусочки,

на жалкие обрывки.

Страшная штука – женщина, и обращаться с ней нужно как с ручной гранатой.

* * *

Когда впервые моя уютная холостая квартирка огласилась ее смехом (Елена Александровна пришла пить чай), мое сердце запрыгало, как золотой зайчик на стене, комнаты сделались сразу уютнее, и почудилось, что единственное место для моего счастья – эти четыре комнаты, при условии, если в них совет гнездо Елена Александровна.

– О чем вы задумались? – тихо спросила она.

– Кажется, что я тебя люблю, – радостно и неуверенно сообщил я, прислушиваясь к толчкам своего сердца. – А... ты?..

Как-то так случилось, что она меня поцеловала – это было вполне подходящим, уместным ответом.

– О чем же ты все-таки задумался? – спросила она, тихо перебирая волосы на моих висках.

– Я хотел бы, чтобы ты была здесь, у меня, чтобы мы жили, как две птицы в тесном, но теплом гнезде.

– Значит, ты хочешь, чтобы я разошлась с мужем?

– Милая, неужели ты могла предполагать хоть одну минуту, чтобы я примирился с его близостью к тебе? Конечно, раз ты меня любишь – с мужем все должно быть кончено. Завтра

же переезжай ко мне.

– Послушай... но у меня есть ребенок. Я ведь его тоже должна взять с собой.

– Ребенок... Ах, да, ребенок!.. Кажется, Марусей зовут?

– Марусей.

– Хорошее имя. Такое... звучное! Маруся. Как это Пушкин сказал? «И нет красавицы, Марии равной»... Очень славные стишки.

– Так вот... Ты, конечно, понимаешь, что с Марусей я расстаться не могу.

– Конечно, конечно. Но, может быть, отец ее не отдаст?

– Нет, отдаст.

– Как же это так? – кротко упрекнул я. – Разве можно свою собственную дочь отдавать? Даже звери и те...

– Нет, он отдаст. Я знаю.

– Нехорошо, плохо. А может быть, он втайне страдать будет? Этак в глубине сердца. По-христиански ли это будет с нашей стороны?

– Что же делать? Зато я думаю, что девочке у меня будет лучше.

– Ты думаешь – лучше? А вот я курю сигары. Детям, говорят, это вредно. А отец не курит.

– Ну ты не будешь курить в этой комнате, где она, – вот и все.

– Ага. Значит, в другой курить?

– Ну да. Или в третьей.

– Или в третьей. Верно. Ну, что ж... – Я глубоко вздохнул. – Если уж так получается, будем жить втроем. Будет у нас свое теплое гнездышко.

Две нежные руки ласковым кольцом обвилились вокруг моей шеи. Вокруг той самой шеи, на которую в этот момент невидимо, незримо – уселись пять женщин.

* * *

Я вбежал в свой кабинет, который мы общими усилиями превратили в будуар Елены Александровны, и испуганно зашептал:

– Послушай, Лена... Там кто-то сидит.

– Где сидит?

– А вот там, в столовой.

– Так это Маруся, вероятно, приехала.

– Какая Маруся?! Ей лет тридцать, она в желтом платке.

Сидит за столом и мешает что-то в кастрюльке. Лицо широкое, сама толстая. Мне страшно.

– Глупый, – засмеялась Елена Александровна. – Это няня Марусина. Она ей кашку, вероятно, приготовила.

– Ня... ня?.. Какая ня... ня? Зачем ня... ня?

– Как зачем? Марусю-то ведь кто-нибудь должен нянчить?

– Ах, да... действительно. Этого я не предусмотрел. Впрочем, Марусю мог бы нянчить и мой Никифор.

– Что ты, глупенький! Ведь он мужчина. Вообще, мужская

прислуга – такой ужас...

– Няня, значит?

– Няня.

– Сидит и что-то размешивает ложечкой.

– Кашку изготовила.

– Кашку?

– Ну, да чего ты так взбудоражился?

– Взбудоражился?

– Какой у тебя странный вид.

– Странный? Да. Это ничего. Я большой оригинал... Хи-хи...

Я потоптался на месте и потом тихонько поплелся в спальню.

Выбежал оттуда испуганный.

– Лена!!!

– Что ты? Что случилось?

– Там... В спальне... Тоже какая-то худая, черная... стоит около кровати и в подушку кулаком тычет. Забралась в спальню. Наверное, воровка... Худая, ворчит что-то. Леночка, мне страшно.

– Господи, какой ты ребенок. Это горничная наша, Ульяша. Она и там у меня служила.

– Ульяша. Там. Служила. Зачем?

– Деточка моя, разве могу я без горничной? Ну посудите сам.

– Хорошо. Посудю. Нет, и... что я хотел сказать?.. Улья-

ша?

– Да.

– Хорошее имя. Пышное такое, Ульяния. Хи-хи... Слушать, значит, будет? Так... Послушай: а что же нянька?

– Как ты не понимаешь: нянька для Маруси, Ульяша для меня.

– Ага! Ну-ну.

Огромная лапа сдавила мое испуганное сердце. Я еще больше осунулся, спрятал голову в плечи и поплелся: хотелось посидеть где-нибудь в одиночестве, привести в порядок свои мысли.

– Пойду на кухню. Единственная свободная комната.

* * *

– Лена!!!

– Господи... Что там еще? Пожар?

– Тоже сидит!

– Кто сидит? Где сидит?

– Какая-то старая. В черном платке. На кухне сидит. Пришла, уселась и сидит. В руках какую-то кривую ложку держит, с дырочками. Украла, наверное, да не успела убежать.

– Кто? Что за вздор?!

– Там. Тоже. Сидит какая-то. Старая. Ей-богу.

– На кухне? Кому ж там сидеть? Кухарка моя, Николаевна, там сидит.

– Николаевна? Ага... Хорошее имя. Уютное такое. Послушай: а зачем Николаевна? Обедали бы мы в ресторане, как прежде. Вкусно, чисто, без хлопот.

– Нет, ты решительное дитя!

– Решительное? Нет, нерешительное. Послушай, в ресторанчик бы...

– Кто? Ты и я? Хорошо-с. А няньку кто будет кормить? А Ульяну? А Марусе если котлеточку изжарить или яичко? А если моя сестра Катя к нам погостить приедет?! Кто же в ресторан целой семьей ходит?

– Катя? Хорошее имя – Катя. Закат солнца на реке напоминает. Хи-хи...

* * *

Сложив руки на груди и прижавшись спиной к углу, сидел на сундуке в передней мой Никифор. Вид у него был неприятный, загнанный, вызывавший слезы.

Я повертелся около него, потом молча уселся рядом и задумался: бедные мы оба с Никифором... Убежать куда-нибудь вдвоем, что ли? Куда нам тут деваться? В кабинете – Лена, в столовой – няня, в спальне – Маруся, в гостиной – Ульяша, в кухне – Николаевна. «Гнездышко»... Хотел я свить гнездышко на двоих, а потянулся такой хвост, что и конца ему не видно. Катя вон тоже приедет. Корабль сразу оброс ракушками и уже на дно тянет, тянет его собственная

тяжесть. Эх, Лена, Лена!..

– Ну что, брат Никифор! – робко пробормотал я непослушным языком.

– Что прикажете? – вздохнул Никифор.

– Ну вот, брат, и устроились.

– Так точно, устроились. Вот сижу и думаю себе: наверное, скоро расчет дадите.

– Никифор, Никифор... Есть ли участь завиднее твоей: получишь ты расчет, наденешь шапку набекрень, возьмешь в руки свой чемоданчик, засвистишь, как птица, и порхнешь к другому, холостому барину. Заживете оба на славу. А я...

Никифор ничего не ответил. Только нашел в полутьме мою руку и тихо пожал ее.

Может быть, это фамильярность? Э, что там говорить!.. Просто приятно, когда руку жмет тебе понимающий человек.

* * *

Когда вы смотрите на изящную, красивую женщину, бойко стучащую каблучками по тротуару, вы думаете: «Какая милая! Как бы хорошо свить с ней вдвоем гнездышко».

А когда я смотрю на такую женщину, я вижу не только женщину – бледный, призрачный, тянется за ней хвост: маленькая девочка, за ней толстая женщина, за ней худая, черная женщина, за ней старая женщина с кривой ложкой, усе-

янной дырочками, а там дальше, совсем тая в воздухе, несутся еще и еще: сестра Катя, сестра Бася, тетя Аня, тетя Варя, кузина Меря, Подстега Сидоровна и Ведьма Ивановна... Матушка, матушка, пожалей своего бедного сына!..

* * *

Невинный, безопасный, кроткий вид имеет ручная граната, мирно лежащая перед вами.

Возьмите ее, взмахните и подбросьте – на клочки разметается вся ваша так уютно налаженная жизнь, и не будете знать, где ваша рука, где ваша нога!

О голове я уже и не говорю.